

УДК 347.941 (476)

ДОПУСТИМОСТЬ СРЕДСТВ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО СПОРАМ ИЗ ДОГОВОРА ЗАЙМА И ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ ВЫСШЕЙ СУДЕБНОЙ ИНСТАНЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Скобелев Владимир Петрович,

Белорусский государственный университет

(г. Минск, Республика Беларусь)

В статье анализируются вопросы допустимости средств доказывания по спорам из договора займа в контексте недавно принятого Пленумом Верховного Суда Республики Беларусь постановления. Сделан вывод, что соответствующие

разъяснения высшей судебной инстанции страны далеко не бесспорны, а в определенной части даже противоречат Гражданскому кодексу Республики Беларусь.

27 июня 2019 г. Пленум Верховного Суда Республики Беларусь принял постановление № 1 «О применении судами законодательства при разрешении споров, возникающих из договоров займа» (далее – постановление № 1). Постановление № 1 разъясняет порядок применения судами преимущественно гражданско-правовых норм.

Вместе с тем в нем присутствуют и положения, касающиеся процессуальных правил, в частности правил о допустимости средств доказывания, т.е. правил, устанавливающих ограничения на использование определенных видов средств доказывания при рассмотрении судами тех или иных гражданских дел (ст. 181, ч. 2 ст. 194 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК), ст. 104 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК)).

Разъяснения последнего рода далеко не бесспорны и потому требуют самого тщательного научного осмысления, тем более в свете того, что постановления Пленума Верховного Суда в белорусской правовой системе официально признаны нормативными правовыми актами (п. 1 ст. 3 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), п. 2 ст. 3, п. 2 ст. 17, п. 4 ст. 23 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах»), а значит, выступают эталоном (образцом) поведения для всех нижестоящих судов.

В п. 5 постановления № 1 говорится, что договор займа может быть заключен в устной или письменной форме (ч. 1 п. 5); воспроизводится правило п. 1 ст. 761 ГК о случаях, когда соблюдение письменной формы договора займа обязательно (ч. 2 п. 5); отмечается, что несоблюдение письменной формы договора займа не влечет его недействительности, однако в силу положений п. 1 ст. 163 ГК лишает стороны права в случае спора ссылаться в подтверждение договора и его условий на свидетельские показания (ч. 3 п. 5).

Наконец, в ч. 4 п. 5 постановления № 1 указано: «В подтверждение факта заключения договора займа может быть представлена расписка заемщика о получении им определенной денежной суммы или определенного количества других вещей от займодавца либо иной документ, свидетельствующий о возникновении между сторонами заемных правоотношений (долговые документы)».

Совокупное восприятие всех содержащихся в п. 5 постановления № 1 положений наводит на мысль, что при несоблюдении письменной формы договора займа в подтверждение факта заключения договора займа и его условий могут представляться только долговые документы (причем по смыслу ч. 2 п. 2 ст. 379 ГК долговой документ – это не любое письменное доказательство, а

только тот документ, который должник выдал кредитору в удостоверение своего обязательства). В действительности, однако, это не так.

Прежде всего ГПК (глава 22) и ХПК (глава 8) закрепляют достаточно широкий круг средств доказывания (помимо письменных доказательств и свидетельских показаний), которые могут использоваться при рассмотрении судами соответственно гражданских и хозяйственных дел – вещественные доказательства, заключения экспертов, аудио- и видеозаписи и др.

Кроме того, в п. 1 ст. 163 ГК непосредственно прописано (но этот момент почему-то не получил отражения в тексте ч. 3 п. 5 постановления № 1), что несоблюдение сторонами письменной формы сделки «не лишает их права приводить письменные и другие доказательства, не являющиеся свидетельскими показаниями». Кстати, аналогичная норма присутствует и в ч. 2 ст. 194 ГПК: несоблюдение письменной формы сделки сторонами «не лишает их права приводить письменные и другие доказательства».

Собственно, возможность представления здесь иных доказательств (помимо долговых документов) признает и сам Пленум Верховного Суда, однако говорит он об этом в совершенно другом пункте постановления № 1 и по отношению лишь к доказыванию обязанности заемщика возвратить займодавцу предмет займа (а не применительно к доказыванию договора в целом и всех его условий): «Обязанность заемщика возвратить займодавцу предмет займа должна следовать из текста договора, долгового документа либо подтверждаться другими доказательствами, отвечающими требованиям допустимости» (ч. 2 п. 6 постановления № 1).

Таким образом, приходится констатировать, что разъяснения высшей судебной инстанции страны по вопросам допустимости средств доказывания в отношении доказывания факта заключения договора займа, а также его условий получили в постановлении № 1 не совсем удачное и системное изложение, вследствие чего, как показано выше, сами нуждаются в толковании (хотя цель издания постановлений Пленума Верховного Суда должна состоять совсем в другом – не порождать сомнения относительно понимания правовых норм, а этим сомнения и неясности полностью ликвидировать).

Думается, что в постановлении № 1 можно было бы осветить и некоторые другие проблемные моменты, связанные с допустимостью средств доказывания по спорам из договора займа. В частности, как поступить суду в ситуации, когда в деле о взыскании суммы займа, не превышающей (по утверждению займодавца-истца) 10 базовых величин, для подтверждения договора займа, заключенного в устной форме, были допрошены свидетели, которые с достоверностью показали, что сумма займа была более 10 базовых величин. Ведь в такой ситуации получается замкнутый круг: если сумма займа превышает 10 базовых величин, то суд не вправе обращаться к свидетельским показаниям, между тем именно на основании свидетельских показаний суду удалось установить, что сумма займа составляет указанный размер.

Еще одно положение, связанное с допустимостью средств доказывания, закреплено в ч. 2 п. 11 постановления № 1: «Применительно к правилам, установленным пунктом 2 статьи 379 ГК, в случаях, когда договор займа подлежал заключению в письменной форме, его исполнение не может доказываться свидетельскими показаниями, что не лишает стороны права приводить другие (включая письменные) доказательства. В частности, прекращение обязательства заемщика по договору займа может подтверждаться нахождением у него долгового документа». Данное разъяснение вызывает возражения по ряду причин.

Во-первых, приведенное разъяснение не вытекает (даже если использовать различные способы толкования, применять аналогию и т. п.) из п. 2 ст. 379 ГК, который гласит:

«Кредитор, принимая исполнение, обязан по требованию должника выдать ему расписку или другой документ в получении исполнения полностью или в соответствующей части.

Если должник выдал кредитору в удостоверение обязательства долговой документ, то кредитор, принимая исполнение, должен вернуть этот документ, а при невозможности возвращения указать на это в выдаваемой им расписке. Расписка может быть заменена подписью на возвращаемом долговом документе. Нахождение долгового документа у должника удостоверяет, пока не доказано иное, прекращение обязательства.

При отказе кредитора выдать расписку, вернуть долговой документ или отметить в расписке невозможность его возвращения должник вправе задерживать исполнение. В этих случаях кредитор считается просрочившим».

В лучшем случае здесь можно было бы провести параллели с нормой п. 1 ст. 163 ГК, но никак не с п. 2 ст. 379 ГК.

Во-вторых, перед Пленумом Верховного Суда стоит задача лишь разъяснять (конкретизировать, развивать) уже имеющиеся нормы, но не вводить совершенно новые правила поведения, на которые в разъясняемых нормативных правовых актах даже намек нет.

В-третьих, анализируемое разъяснение касается процессуальных правил допустимости доказательств, которые (правила) по своей природе являются публично-правовыми, т. е. определяют взаимоотношения субъектов права с государством в лице суда при рассмотрении и разрешении судебных дел, причем налагают на участников судебных разбирательств очень существенные ограничения. На наш взгляд, подобные правила могут устанавливаться только на законодательном (а не подзаконном) уровне.

В-четвертых, совершенно новое правило поведения может вводиться лишь при условии, что в правовом регулировании существует пробел. Сомнительно, однако, что последнее имеет место в нашем случае. Полагаем, что законодатель умышленно предусмотрел правила допустимости доказательств в отношении лишь факта наличия договора, но не его исполнения.

В-пятых, возможность использования свидетельских показаний для подтверждения факта исполнения договора еще не означает того, что в абсолютно всех случаях суды будут устанавливать указанный факт исключительно и только лишь на основании свидетельских показаний, тем самым провоцируя злоупотребления со стороны участников споров (в виде приглашения в суд заранее «подготовленных» свидетелей). Суды вправе и обязаны «работать» со всем спектром предусмотренных ГПК и ХПК средств доказывания, давая каждому из них самую тщательную оценку. Причем характер спора, безусловно, будет налагать свой отпечаток на перечень используемых доказательств. Так, в коммерческих спорах из договоров займа свидетельские показания будут крайне редким явлением, в спорах же с участием граждан – более распространенным, особенно когда предметом займа выступают не деньги, а иные вещи.

В-шестых, сам законодатель не абсолютизирует правила допустимости доказательств по спорам из договоров займа и в определенных случаях при несоблюдении простой письменной формы договора разрешает использовать свидетельские показания. Мы имеем в виду норму п. 2 ст. 765 ГК о том, что если договор займа должен быть совершен в письменной форме, «его оспаривание по безденежности путем свидетельских показаний не допускается, за исключением случаев, когда договор был заключен под влиянием обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя заемщика с займодавцем или стечения тяжелых обстоятельств».